

Любецкий Сергей Михайлович

**Вечера на кладбище,
оригинальные повести из
рассказов могильщика**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Михайлович Л.**
Вечера на кладбище, оригинальные повести из рассказов могильщика: Часть
2 / Любецкий Сергей Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 213 с.

ISBN 978-5-519-94330-7

Замогильная жизнь, Призрак или пурпуровый плащ

ISBN 978-5-519-94330-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

»Именно!« отвѣчалъ собесѣдникъ мой: »ему было смѣшно, что богатые люди соглашаются умирать; а дача мнѣ добрая будетъ!« продолжалъ онъ: »за то я вырылъ имъ могилу поглубже другихъ, чѣмъ не высклакились изъ-подъ земли гробовыя крыши, и червямъ то тамъ будетъ поваднѣе!...«

— Начинай, начинай! — вскричалъ я нетерпѣливо.

»Сей часъ, сей часъ...« нехотя произнесъ Тихонъ Сысоевичъ. »Вопъ опъ чего-то зазубринка оказалась на заспупѣ: должно быть я впоропяхъ опъ радости дорылся до чьего нибудь сосѣдняго гроба и хруснулъ въ немъ косточку...«

Вопъ наконецъ до какой повѣсти добился я опъ Тихона Сысоевича: онъ самъ слышалъ ее сію минутой опъ лакея въ красной ливреѣ, и ее, неостылую еще на языкѣ очевидца вѣрнаго, передалъ мнѣ, а я поочереды передаю ее, какъ могу, вамъ, чѣпашели!

Ахъ, еслибъ вы знали какъ хороша была Клавдія Склонская даже въ то время, когда она, бывало, разсердилась, положимъ, хопъ на горничную свою Анюпу за неумѣнье приколоть ей ленточнаго банта къ поясу, или ввишь въ волосы цвѣточную гирлянду изъ искусственныхъ левкоевъ—а какъ шли они къ ея блѣдно-розовому лицу; кспати пришлось увѣдомить вась, да дѣло не объ томъ: я хочу только сказать вамъ, что Клавдія была очень мила во всякомъ капризѣ своемъ; верхняя губка ея опдувалась шакъ мило; правда, глазки перяли нѣжную шомность свою и самъ любезный ея не нашелъ бы тогда въ нихъ неба своего, но вѣрно съ ненасытимымъ удовольствіемъ топовъ бы онъ былъ ввишься губами своими въ ея опдувшуюся губку и выцѣловать эти гнѣвные глазки. Но къ чести души Клавдіи можно прибавить, что всякій сердечный пароксизмъ ея продолжался не долго:

по личику ея прокатывалось ненастное облако минушно, комешно — и умершій блескъ и улыбчивость глазъ онятъ про-
 лсялись и показывали игру звѣздъ сво-
 ихъ, и горничная, обиженная разумѣнся не оплеухой, но какимъ нибудь легкимъ браннымъ словомъ, которое также не неприятно выворхало изъ устъ ея, полу-
 чала удовольствованіе свое въ полуизно-
 шенномъ платьѣ, въ пелерникѣ и тому подобныхъ вещахъ, за которыя многіе за-
 платили бы дороже по препензіямъ сер-
 дечныхъ требованій своихъ. Впрочемъ
 еще нужно сдѣлать дополненіе къ спро-
 фъ сей: люди (я разумѣю здѣсь мужчинъ),
 завоеванные красою Клавдіи, можетъ
 быть согласились бы принять отъ нее
 въ задатокъ супружескихъ нѣжностей и
 ударъ пяти маленькихъ пальчиковъ, ко-
 торые такъ щекопливо выпечатали бы
 форму свою на щекѣ возлюбленнаго, какъ

пушиспал лапка киски, разумѣется безъ выпуска шиповъ своихъ.

Я полагаю, что всякій женихъ не беретъ въ число приданого за невѣстой своей большихъ ногтей, а кто не обдумавши объ этомъ предметѣ пускается на произволъ случая, того предостерегаю. Одинъ серьезный медикъ, онъ же и хирургъ и глубокий физіологъ все въ одномъ лицѣ, съ важною миною увѣрялъ меня, что у женщинъ ногти распухъ гораздо скорѣе, чѣмъ у бѣлки и чѣмъ борода у мужчины; ксепанн замѣнилъ я, что его борода была не обрита, а онъ увѣрялъ, что она изцарапана будто бы опъ тупой бритвы. Послѣ узналъ я, что питомецъ Эскулапа былъ женатъ. И такъ: Клавдія наша была довольно вспыльчива; въ минупу горячки своей она готова была рѣшиться на всякую опвагу; послѣ уже душу ея начинало терзать жало поздняго раскаянія. Хотя

и не долго, къ счастью своему, случилось ей быть причиною какихъ нибудь важныхъ уроковъ въ благосостояніи жизни, однако разбилая чашка съ незабудками, подаренная ей но послѣ, въ своемъ мѣстѣ скажу къмѣ, порванная спруна на арфѣ; выдранныя уши мимишки, хохолокъ любимой канарейки, брошенная въ огонь канвейная работа, разодранный узоръ, перепутанные шелки — и проч. и проч., заспаивали ее иногда долго кручинясь о вспыльчивости характера своего. Тогда она плакала пайкомъ, но послѣ опять утѣшалась дѣ случая.

Сборы на балъ.

Однажды поздно вечеромъ сидѣла Клавдія въ уборной своей предъ туалетомъ, собираясь ѣхать въ Благородное Собраніе, и между тѣмъ какъ перукмахеръ Мосѣй Плезиръ совокупно съ горничной Анютой испощали надъ головой ея всѣ

туалетный хитросипи, она машинально перелистывала какой-то Журналъ *des Dames*, разрывая листки его косянымъ ножичкомъ и по временамъ взглядывая на отраженіе красны своей въ вѣрномъ стеклѣ. Предъ туалетомъ, рѣзнымъ, раззолоченымъ, горѣли двѣ восковыя свѣчи, а около него раскиданы и разстановлены были въ порядкѣ и безпорядкѣ всѣ косметическія принадлежности.

Выдали ли вы уборную молодой знатной барышни и вмѣстѣ богатой невѣсты? Что это за волшебный черпокъ: одно уцѣлѣвшее чудо, превращенное въ дѣйствительность изъ фантазій Шехеразеды! Что за гардины, что за драпирь! Туда ссылають дань свою и Розеншпраухъ и Юнкеръ и Бекерсъ и Буисъ и вся эта иноспранная секта Кузнецкаго моста, который можно называть опрывкомъ затѣйливаго Парижскаго Пале-Ройяля, соперникомъ Невскаго проспекта!..

Въ уборной Клавдіи на тонконогой кушеткѣ раскиданы были чинно рядомъ бальныя плащья для выбора ея; на овальныхъ сполникахъ висѣлись разной формы и величины кордоны и кордончики со всякими наколками и цвѣтами; изъ широкаго шкафа, стоявшаго недалеко отъ нее, выдвинутъ былъ нижній ящикъ съ башмаками какъ въ магазинѣ и оппуда пестрѣлись разноцвѣтныя ножныя футляры, оппечатки; я бы сказалъ вамъ нѣчто и о чулкахъ Клавдіи и объ узорахъ, коймившихъ ихъ, но вѣдь вы не повѣрите мнѣ на слово: какъ могъ я зайти такъ далеко и выглядѣть? Уборныя дамскія изъ мужчинъ, кромѣ перукмахеровъ хѳлоднаго темперамента и полотеровъ, никто не посѣщаетъ; да, виноватъ, еще прубочисты, какъ люди необходимые вездѣ; даже и мужья принимаютъ тамъ кажется не привѣтные таможенныхъ служителей, осматриваю-

щихъ заграничный экипажъ. И потому ограничусь вышесказаннымъ.

Мосьё Плезиръ, не понимавшій всей наслажденности поста своего, преравнодушно поводилъ по головѣ Клавдіи полстыми руками своими, намазанными благовоннымъ слоемъ помады *à la tuberoze*, какъ магнетизеръ; представьте: онъ видѣлъ ее въ самомъ упоиленномъ безпорядкѣ и не измѣнилъ ни одной черты важнаго лица своего, какъ будто бы оно было у него восковое, или бѣлый (цвѣтъ невинности) полопнящій фаршукъ, надѣтый на немъ, спасалъ сердце его отъ стрѣлъ и съшей красоты неопразимой: вѣрно вниманіе его спремилось болѣе къ бѣлой ассигнаціи, чѣмъ къ бѣлой шейкѣ красавицы; припекальныя щипцы его были жарче сердца: онъ даже не примѣтилъ на ней и того родимаго пятнышка, которое было очень похоже на фигуру маленькаго паука. А Клавдія, погружаясь въ кресла, си-

дѣла такъ свободно въ пеглижѣ своемъ: легкій, полураскидной шелковый, капотецъ такъ вѣрно опливалъ прелестныя, округлыя, живописныя, поэтическія формы тѣла ея; грудь, освобожденная отъ всякаго лишняго покрова, кромѣ воротника капота, едва зацѣпленного перломутовою пуговкою, дышала такою полною нѣгою!..... Склонясь на одинъ локотокъ, она опдавала голову свою въ полную волю Плезира; ножки ея сливались такъ дружно между собою..... можетъ быть шопотъ какого нибудь милаго воспоминанія лелѣялъ ея мечтами; вдругъ скрипнула дверь — и вошла плжелою походкою мать ея.

Г-жа Склонская была уже совсѣмъ одѣта: нарядъ ея былъ не изысканъ, но щеголеватъ несообразно пожилымъ лѣтамъ: »Клавдія« начала она: »еще ты не одѣта; карета уже давно подана...«

— Сей часъ, маминька — отвѣчала Клавдія. — Охъ, какъ вы неспосны, монсье Плезиръ — продолжала она, отпоясь къ головному управителю своему — два часа уже вы мучите меня иголками: вѣдь я вѣду не подъ вѣнецъ! —

»Вѣнецъ на головѣ вашей, сударыня; посмотритесь въ зеркало, а вошь и другое!« отвѣчалъ Плезиръ, устпанавливая противъ ея туалетъ другой туалетъ, чтобъ она могла увидать и сзади накладныя прелести свои.

— Это вѣнецъ вашего искусства? *Fi donc!* это вѣникъ! — съ досадою вскрикнула Клавдія, взглянувъ мгновенно на нарядъ свой въ зеркало — помилуйте, что за цвѣты! —

»Что за причуды, милая?«... важно произнесла Г-жа Склонская.

— Да какъ же, маминька, Г-нъ Плезиръ нарядилъ меня въ какой-то кипарисный